

Богатство и Нищета

1921, источник: [здесь](#)

- [I. Земельная собственность](#)
- [II. Городская собственность](#)
- [III. Положение крестьян](#)
- [IV. Положение фабрично-заводских рабочих](#)
- [V. Статистика нищеты](#)
- [VI. Заключение](#)

I. Земельная собственность

В очерках, посвященных нами земледельческому и фабрично-заводскому производству 9, мы на основании неопровержимых цифровых данных установили, что пищевых продуктов имеется вдвое, а фабричных втрое больше того, сколько их нужно для удовлетворения всех потребностей современного человека. Человечество имеет, таким образом, для своего пропитания и содержания действительно громадный избыток, и если миллионы людей живут в нищете, то это зависит от чудовищной организации современного общества. Эта истина в общем не требует пояснений, на столько она очевидна. Тем не менее, не безынтересно показать на точных фактах, до каких позорных результатов Доходит общественный строй, основанный на частной собственности.

Избитая истина, что всюду, во всех государствах, богатство и власть принадлежат в настоящее время аристократии собственников. Во Франции, где до сих пор воспоминания о 1789 г. действуют опьяняюще, мы охотно воображаем себе, будто Революция смела неравенства старого общества, и если не установила полного равенства, то, по меньшей мере, сравняла положение людей и богатства. К несчастью, факты далеко не соответствуют этой легенде, которую правящие классы всячески стараются закрепить внутри: *Les produits de la Terre et les produits de L'Industrie*, умах, чтобы тем самым расшатать силу и значение пролетарских требований. Мы восхищаемся великим революционным движением, давшим нам свободу мысли и, до известной степени, свободу слова, но мы также должны признать, что в социальном отношении Революция завершилась выкидышем: феодальная собственность, которую она хотела разрушить, лишь преобразовалась. Этот феодальный строй стоит перед нами могущественнее прежнего, ужаснее, чем когда-либо.

И прежде всего необходимо заметить, что земля, которую мы представляем себе чрезвычайно раздробленной, в действительности почти повсюду прибрана к рукам относительно небольшим количеством лиц, настоящими земельными баронами. В нашей так называемой цивилизованной Европе почти везде преобладает крупное землевладение. Есть страны, в которых имения важных господ и крупных буржуа представляют по размерам целые государства, на которых бы могли жить сотни тысяч людей. В Англии, в этой классической стране латифундий или крупного землевладений, две трети всей страны принадлежат только 10,000 лиц; из них одни лорды Соединенного Королевства владеют слишком 6,240,000 гектаров J). В Шотландии 21 человек поделили между собой около трети национальной территории, и 1700 человек владеют девятью десятыми ее. В Ирландии вся земля тоже захвачена лендлордами. Чтоб убедиться во всех этих фактах, стоит только пробежать официальную статистику землевладения в Великобритании. Это, правда, достаточно отталкивающее чтение, но зато поучительное: сразу глубоко проникаешь в социальное положение Соединенного Королевства, когда узнаешь, что многие благородные

лорды, как напр., герцог Девонширский, владеют имениями в 70,000 и до 78,000 гектаров и что один шотландский лорд, герцог Сутерландский, является собственником огромного пространства в 530,000 гектаров.

Не следует, впрочем, думать, что Англия является исключением в Европе. В большинстве других европейских стран крупное землевладение процветает, правда, в несколько гектар немного меньше казенной десятины меньших, но все же в чудовищных размерах. Например, в Германии, в этой стране, так гордящейся своей высокой цивилизацией, есть целые области, где земля — вся в руках небольшой кучки баронов, представляющих своими особами старинные обломки средних веков. У некоторых из них есть поместья пространством от 2000 до 3000 квадратных верст. В Пруссии половина земли принадлежит тоже помещикам, имеющим не менее 75, а в среднем 344 гектара каждый.

Если от Германии мы обратимся к Австро-Венгрии, то найдем здесь еще худшее распределение земельной собственности, Моравия, Богемия, Венгрия, Галиция представляют собой страны крупной земельной собственности. Так, в Венгрии две трети всей земли принадлежат нескольким тысячам господ, владения которых заключают в себе от 1000 — 10,000 гектаров. Есть здесь несколько имений, которых их собственники ни разу не осмотрели в целом, так они громадны. То же самое в Богемии; тут князь Шварценберг один владеет более чем тридцатой частью всей страны, а именно 178,000 гектаров. В Румынии, в России, где уничтожение крепостного права должно было бы совершить коренной переворот, все те же бояре удерживают в своих руках наибольшую часть земель. Вернемся на Запад, пойдем в Италию, в Испанию, во Францию, в Бельгию, в эти государства, наиболее непосредственно испытавшие влияние Революции, — и везде мы, лишь в различной степени, найдем все то же положение. Познакомимся ближе в этом отношении с Италией. Согласно Итальянскому статистическому Ежегоднику за 1884 г. здесь имелось 2,668,696 земельных собственников. Но сюда присчитано очень значительное число таких, которые владеют ничтожными клочками земли, не могущими прокормить их владельцев; на деле и тут преобладает крупная собственность. В особенности это верно для южной Италии. Чтоб ограничиться одним примером, укажем на Базиликат, на эту область древнего Геркуланума. Здесь, в Поликоро, мы встречаем поместье в 14,000 гектаров. Владелец его, князь де Жерас, оказывается хозяином семьдесят третьей доли провинции Потенцы, насчитывающей 525,000 жителей.

В Испании, главным образом в обеих Кастилиях и в Андалузии, собственники сотен и тысяч гектаров тоже захватили значительную) долю земель.

Франция — единственная великая страна, где мелкое землевладение существует в довольно значительной степени, но и здесь мелкая собственность далеко не имеет того значения, какое ей приписывают поклонники нашего социального строя. Действительно, буржуазные экономисты торжественно повторяют, что у нас 20 миллионов земельных собственников. На первый взгляд их благочестивый энтузиазм может показаться, пожалуй, основательным, но, при ближайшем ознакомлении с вопросом, неизбежно приходится сильно поубавить основательность такого ликования. Нельзя же, в самом деле, забывать, что из этих так называемых собственников около 4 миллионов избавлены от личного обложения по причине их крайней бедности; тут по-просту 4 миллиона полунищих, а не

собственников. К тому же число собственников, само по себе, ничего не означает; важно, как распределена между ними собственность. Легко выяснить это распределение; воспользуемся для этого официальными документами по поземельной собственности, опубликованными на основании переписи 1884 г.

Вот каково было в указанный момент распределение французских земель среди плательщиков земельного налога.

КАТЕГОРИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.	Число плательщиков земельного налога (по числу обложенных участков)		Площадь обложенная земельной податью.	
	Абсолютное.	% отношение ко всему ВОЛИН.	В гектарах.	% отношение ко всей площади.
Самая мелкая собственность (от 0 до 5 гектаров).	12,230,496	87,8	11,222,303	22,7
Мелкая собственность (от 5 до 10 гектаров).	892,887	6,2	6,254,14	12,6
Средняя собственность (от 10 до 50 гектаров).	738,672	5,2	14,496,260	29,3
Крупная собственность (от 50 до 100 гектаров).	73,503	0,5	5,059,817	29,3
Очень крупн. собственность (больше 100 гектаров).	49,243	0,3	12,355,782	25,2
СУММА	14,074,801	100,0	49,388,304	100,0

Из этой таблицы явствует:

1-е, что самая мелкая собственность (от 0 до 5 гект.) насчитывает 12 миллионов плательщиков из общей суммы 14 миллионов. Другими словами — на 88% всех плательщиков приходится лишь 22% обложенной податью земельной площади.

2-е, что мелкая собственность (от 5 до 10 гектар.) насчитывает 6 милл. гектаров на 892,887 плательщиков или 12% всей территории.

3-е, что средняя собственность (от 10 до 50 гектаров) охватывает 738,000 плательщиков и 14 милл. гектаров или 29% общего земельного фонда страны.

4-е, что крупная собственность (от 50 до 100 гектаров и больше) захватила более 17 милл. гектаров (35% территории),⁴ тогда как число собственников этой категории едва достигает 120,000, т.-е. меньше даже 1%.

Три вида земельной собственности — мелкая, средняя и крупная — поделили между собой почти весь национальный фонд, но, как справедливо заметила одна французская газета, „La Terre“, „тогда как мелкая собственность разделена между миллионами людей, средняя насчитывает едва Сотню тысяч собственников, а крупная — лишь несколько тысяч“.

Сказанного достаточно для доказательства того, что — при прочих равных условиях — распределение земли во Франции такое же скверное, как в великих державах, находящихся еще в стадии феодализма. Но есть и другие факты, подтверждающие нашу мысль, так как приведенные нами статистические данные требуют пояснения.

Прежде всего необходимо заметить, что дробление земли между собственниками много меньше, чем это может показаться при взгляде на общее число участков. Во Франции нет этих 14 миллионов землевладельцев — плательщиков налога. Значительное число лиц имеют по два или несколько отдельно обложенных участков и, следовательно, сумма всех участков не выражает количества их собственников, которых несравненно менее 14 миллионов.

Во-вторых, мы должны также обратить внимание на то, что в вышеприведенной таблице, по скольку она касается мелкого землевладения, скрыта крупнейшая ошибка в методе исчисления; этою ошибкой даже совершенно обесценивается указываемая цифра 13,213,383 мелких собственников. У кретинизированных чиновников, делавших эти статистические вычисления, очевидно не хватило достаточно смысла для правильной оценки того, что именно следует понимать под мелкою собственностью. Вместо того, чтобы к категории владений (от 0 до 10 гект.) отнести только мелкие земельные владения и участки, они смешали в одну кучу: собственно полевые участки и мелкие участки, исключительно находящиеся под усадьбами, под коммерческими и промышленными предприятиями, так что клочек земли ценою в 50 франков (около 18 руб.) и дом или завод стоимостью от 50,000 до 500,000 франков и выше в этой удивительной таблице помещены в один разряд под рубрикой „землевладения от 0 до 10 гектаров“, Это одна из обыкновенных красот официальной статистики. Доверьте библиотеку бюрократам в роде авторов подобных таблиц и поручите им сделать в ней логичное и естественное распределение книг, столь облегчающее пользование ими. Будьте уверены, — книги будут размещены на полках по цвету переплета или по величине формата.

Это неумное классифицирование земельной собственности исключительно по величине поместий не есть еще единственный изъян официальной статистики, нуждающийся в поправке. Исследование 1884 г. относительно земельной собственности сделано по коммунам без общего надзора и контроля. Отсюда получилось, что каждый раз, когда владение переходило черту коммуны, оно оказывалось занесенным в таблицу, как два или три отдельных поместья, хотя бы в действительности тут было одно только поместье. Отсюда ясно, что количество крупных собственников произвольно увеличено нашей статистикой. В действительности 36% всей земли принадлежит значительно меньшему

количеству лиц, чем 122 тысячам, показанным в таблице.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить следующее:

1-е. Количество мелких собственников ниже того, какое дают нам официальные документы, и мелкие соб.твенники не владеют 34% французской территории.

2-е. Крупная земельная собственность, внесенная в „статистику" с 35% всей площади землевладения, владеет в действительности значительно большим количеством, потому что собственники домов, заводов и различных других сооружений, причисленные к первой (низшей) категории во внимание к размерам поместья, на самом Деле должны быть отнесены в группу крупных землевладельцев по их доходности.

3-е. После указанных поправок следует во всяком случае признать, что крупному землевладению принадлежит больше трети национальной территории.

К этому последнему заключена» мы приходим, изучая в целом земельный вопрос во Франции. Мы бы получили те же еще более убедительные результаты, если бы стали изучать каждую французскую область отдельно. Но, к сожалению, это завлекло бы нас слишком далеко к сторону, и потому мы должны воздержаться от всяких не необходимых подробностей, Впрочем, вот еще несколько цифр, которых будет достаточно для подкрепления всего сейчас нами высказанного департаменте Од крупное землевладение захватило в свои руки 50% всей земли. 1833 лица владеют 294,656 гектаров.

В департаменте Аллье крупное землевладение охватывает 57% всей территории, и 1300 лиц, собственников, владеют более, чем 300,000 гектарами.

Мы могли бы привести еще много подобных примеров.

Таким образом на западе, на востоке, на севере и на юге Европы, в королевствах, в княжествах, в республиках и в империях — всюду хищное чудовище крупной собственности раскинуло свои сети. Особенно печально то, что в странах, где никогда не существовало аристократии, в которых общество организовано на современных бессловных началах, напр. в Америке и Австралии, крупное землевладение совершенно так же всеильно, как и в старых европейских обществах. В Соединенных Штатах это зло существует давно, а за последнее время оно приняло там размеры еще более ужасающие, чем в Европе. Именно, за последние годы известное число европейских собственников и банкиров, в большинстве англичане, купили значительную часть еще не занятых земель Союза и таким образом составили здесь огромные поместья. С 1880 г. по 1890 г. 29 иностранных капиталистов завладели 8,2 милл. гект. пахотной американской земли, т.-е. территорией больше целей Ирландии.

И такой земельный захват — как в Европе, так и в Америке — тем боле чудовищен, что большинство этих крупных собственников не живет на своих землях, не дает себе даже труда управлять своими поместьями, над обработкой которых убиваются миллионы пролетариев, получая заработную плату, ничтожную до смешного.

II. Городская собственность

Из этой таблицы явствует:

1-е, что самая мелкая собственность (от 0 до 5 гект.) насчитывает 12 миллионов плательщиков из общей суммы 14 миллионов. Другими словами—на 88% всех плательщиков приходится лишь 22% обложенной податью земельной площади.

2-е, что мелкая собственность (от 5 до 10 гектар.) насчитывает 6 милл. гектаров на 892,887 плательщиков или 12% всей территории.

3-е, что средняя собственность (от 10 до 50 гектаров) охватывает 738,000 плательщиков и 14 милл. гектаров или 29% общего земельного фонда страны.

4-е, что крупная собственность (от 50 до 100 гектаров и больше) захватила более 17 милл. гектаров (35% территории),⁴ тогда как число собственников этой категории едва достигает 120,000, т.-е. меньше даже 1%.

Три вида земельной собственности—мелкая, средняя и крупная—поделили между собой почти весь национальный фонд, но, как справедливо заметила одна французская газета, „la Terre“, „тогда как мелкая собственность разделена между миллионами людей, средняя насчитывает едва Сотню тысяч собственников, а крупная—лишь несколько тысяч“.

Сказанного достаточно для доказательства того, что— при прочих равных условиях—распределение земли во Франции такое же скверное, как в великих державах, находящихся еще в стадии феодализма. Но .есть и другие

факты, подтверждающие нашу мысль, так как приведенные нами статистические данные требуют пояснения.

Прежде всего необходимо заметить, что дробление земли между собственниками много меньше, чем это может показаться при взгляде на общее число участков. Во Франции нет этих 14 миллионов землевладельцев—плательщиков налога. Значительное число лиц имеют по два или несколько отдельно обложенных участков и, следовательно, сумма всех участков не выражает количества их собственников, которых несравненно менее 14 миллионов.

Во-вторых, мы должны также обратить внимание на то, что в вышеприведенной таблице, по скольку она касается мелкого землевладения, скрыта крупнейшая ошибка в методе исчисления; эту ошибкой даже совершенно обесценивается указываемая цифра 13,213,383 мелких собственников. У кретиализированных чиновников, делавших эти статистические

вычисления, очевидно не хватило достаточно смысла для правильной оценки того, что именно следует понимать под мелкою собственностью. Вместо того, чтобы к категории владений (от 0 до 10 гект.) отнести только мелкие земельные владения и участки, они смешали в одну кучу: собственно полевые участки и мелкие участки, исключительно находящиеся под усадьбами, под коммерческими и промышленными предприятиями, так что клочек земли ценою в 50 франков (около 18 руб.) и дом или завод стоимостью от 50,000 до 500,000 франков и выше в этой удивительной таблице помещены в один разряд под рубрикой „землевладения от 0 до 10 гектаров", Это одна из обыкновенных красот официальной статистики. Доверьте библиотеку бюрократам в роде авторов подобных таблиц и поручите им сделать в ней логичное и естественное распределение книг, столь облегчающее пользование ими. Будьте уверены,—книги будут размещены на полках по цвету переплета или по величине формата.

Это неумное классифицирование земельной собственности исключительно по величине поместий не есть еще единственный из'ян официальной статистики, нуждающийся в поправке. Исследование 1884 г. относительно земельной собственности сделано по коммунам без общего надзора и контроля. Отсюда получилось, что каждый раз, когда владение переходило черту коммуны, оно оказывалось занесенным в таблицу, как два или три отдельных поместья, хотя бы в действительности тут было одно только поместье. Отсюда ясно, что количество крупных собственников произвольно увеличено нашей статистикой. В действительности 36% всей земли принадлежит значительно меньшему количеству лиц, чем 122 тысячам, показанным в таблице.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить следующее:

1-е. Количество мелких собственников ниже того, какое дают нам официальные документы, и мелкие соб.твенники не владеют 34% французской территории.

2-е. Крупная земельная собственность, внесенная в „статистику" с 35% всей площади землевладения, владеет в действительности значительно большим количеством, потому что собственники домов, заводов и различных других сооружений, причисленные к первой (низшей) категории во внимание к размерам поместья, на самом Деле должны быть отнесены в группу крупных землевладельцев по их доходности.

3-е. После указанных поправок следует во всяком случае признать, что крупному землевладению принадлежит больше трети национальной территории.

К этому последнему заключена» мы приходим, изучая в целом земельный вопрос во Франции. Мы бы получили те же еще более убедительные результаты, если бы стали изучать каждую французскую область отдельно. Но, к сожалению, это завлекло бы нас слишком далеко к сторону, и потому мы должны воздержаться от всяких не необходимых подробностей, Впрочем, вот еще несколько цифр, которых будет достаточно для подкрепления всего сейчас нами высказанного

В департаменте Од крупное землевладение захватило в свои руки 50% всей земли. 1833 лица владеют 294,656 гектаров.

В департаменте Аллье крупное землевладение охватывает 57% всей территории, и 1300 лиц, собственников, владеют более, чем 300,000 гектарами.

Мы могли бы привести еще много подобных примеров.

Таким образом на западе, на востоке, на севере и на юге Европы, в королевствах, в княжествах, в республиках и в империях—всюду хищное чудовище крупной собственности раскинуло свои сети. Особенно печально то, что в странах, где никогда не существовало аристократии, в которых общество организовано на современных бессловных началах, напр. в Америке и Австралии, крупное землевладение совершенно так же всеильно, как и в старых европейских обществах. В Соединенных Штатах это зло существует давно, а за последнее время оно приняло там размеры еще более ужасающие, чем в Европе. Именно, за последние годы известное число европейских собственников и банкиров, в большинстве англичане, купили значительную часть еще не занятых земель Союза и таким образом составили здесь огромные поместья. С 1880 г. по 1890 г. 29 иностранных капиталистов завладели 8*²/2 милл. гект. пахотной американской земли, т.-е. территорией больше целей Ирландии.

И такой земельный захват—как в Европе, так и в Америке—тем боле чудовищен, что большинство этих крупных собственников не живет на своих землях, не дает себе даже труда управлять своими поместьями, над обработкой которых убиваются миллионы пролетариев, получая заработную плату, ничтожную до смешного.

герцог Мальборо	31,1.
маркиз Солисбери	71,2.
герцог Нортумберландский	872.
маркиз Герфордский	12г/а.
лорд Дюргам	12у2.
герцог Гамильтон	13.
герцог Бедфорский	15.
герцог Клевелендский	20.
лорд Дичби	25.
герцог Портландский	37' ² .

Нет возможности дать полный список всех наиболее крупных наследств в Англии, но и по приведенным десяти лицам можно судить о целом.

Прибавьте к этому, что помимо такой крупной собственности, основанной на ужасающей нищете, есть много людей, которые, номинально не владея ничем, пользуются однако очень значительными доходами. Сюда относятся представители англиканского духовенства, которое является собственником разных поместий и учреждений, в том числе нескольких сотен кабаков, наиболее посещаемых, где—к вящей славе церкви — рекою льется джин

(водка).

Mulhall. Dictionary of Statistica скопы там получают в среднем до 130,000 франков (около 52,000 руб.) ежегодного содержания.

В Германии, в этой стране копей и фабрично-заводской промышленности, капитализм—при равенстве всех прочих условий—почти также значителен, как в Англии. Чтобы убедиться в этом, достаточно пробежать список лиц, подлежащих подоходному налогу: там фигурируют 3000 миллионеров для одной Пруссии, и в числе этих трех тысяч очень много таких, которые имеют десятки и даже сотни миллионов. Девять особ числятся в роли Einkommeneur'ов, как имеющие годовой доход, превышающий один миллион марок (марка равна приблизительно сорока копейкам); франкфуртские Ротшильды с годовой рентой в 2,640,000 марок принадлежат к этим избранникам. Знаменитый литейщик пушек Крупп из Эссена, гордость миролюбивой Германии, стоит в главе этого списка вампиров со своими 5,100,000 марок годового дохода. Принцы королевских и владетельных княжеских домов естественно оказываются между крупнейшими капиталистами страны, и это тем гнуснее, что многие из них состоят владельцами винокуренных заводов, наводняющих своей хлебной водкой Европу и Африку. Источником их огромных доходов большею частью служит отравление алкоголем тысяч людей.

В Австро-Венгрии в настоящее время совершенно такое же положение. Высшее венское еврейство держит в своих руках значительную часть богатств страны в виде акций рудников, железных дорог, государственных бумаг и разного рода недвижимой собственности.

И всюду в Европе мы встречаем одно и то же: во всех странах городская недвижимость, промышленность и торговля оказываются сосредоточенными в немногих руках, и—как ни печально в этом признаться—это сосредоточение все более и более возрастает. Оно резко заметно во Франции, где копи, железные дороги, огромные фабричные предприятия, самые значительные торговые фирмы составляют в сущности доход англиканской церкви в 1881 году равнялся 123'/, миллионам франков достояние нескольких крупнейших акционеров. И вряд ли кто решится говорить о мелкой собственности и об ее преобладании в промышленности и торговле. Этой мелкой собственности, можно сказать, уже не существует: ежедневно Мелкие хозяева мастерских и мелкие лавочники разоряются от конкуренции с крупными фирмами и переходят в ряды Пролетариата, увеличивая толпу безработных бедняков.—Все сказанное имеет место также и в свободной Америке, где крупная капиталистическая собственность еще могущественнее, чем крупная земельная собственность, где мы встречаем таких промышленных „королей как Морган, Джей Гульд, Вайдербильт, Рокфеллер, которых состояние исчисляется уже не сотнями, а тысячами миллионов.

III. Положение крестьян

Господствующий в наше время социальный строй оказывается еще более чудовищным, если сравнить с положением правящих классов положение городского и сельского рабочего класса. Начнем с земледельческих рабочих.

По непосредственной полезности класс земледельцев занимает первое место: ему мы все обязаны хлебом насущным. Если бы доказано было* что общественное неравенство фатально неизбежно, то следовало бы признать, что именно земледельцы больше всего имеют прав на преимущества. Да, Простой здравый смысл заставляет признать, что те люди, которые стоят в непосредственном общении с природой, неустанным трудом которых поддерживается вся жизнь общества, и составляют самый жизнецно-благотворный класс: мы обязаны ему за все, что мы имеем здесь на земле. Но ято в свою очередь делаем мы в отплату за те блага, которые они нам доставляют? Эти труженики, без которых все в нашем буржуазном обществе, вся жизнь должна мгновенно остановиться, получают ли они свою законную долю счастья? Находятся люди, отвечающие на этот вопрос.

утвердительно: да, получают. Находятся и чувствительные поэты, воспевающие, подобно древнему Виргпилю, безграничное блаженство „слишком счастливых землепашцев®. Сомнительно однако, чтоб это „блаженство® могло когда-нибудь существовать в древнем рабовладельческом государстве; и уж, во всяком случае, не в нашем современном обществе частных собственников можно искать такого золотого века. В самом деле, условия жизни крестьян — самые жалкие, и, поживши среди них, нельзя не испытать глубокого сострадания к этим миллионам людей, присужденных к таким каторжным земледельческим работам. Жизнь крестьянства совсем не похожа на ту, какую ее себе воображают. Мы охотно рисуем себе крестьян, как класс собственников, обрабатывающих свою землю и живущих на жатву, собранную ценою умеренного и здорового труда. Но то, что мы видим в действительности, нисколько не похоже на картинки, рисуемые нашим воображением. Мелкая собственность в земледелии представляет нечто совсем исключительное; почти везде крестьяне работают не на себя, а на крупных помещиков, которые соперничают в деле их эксплуатации. Жители деревень в огромном большинстве случаев являются просто батраками, можно даже сказать — крепостными, потому что теоретическая свобода, которою они могут пользоваться, на столько в действительности ограничена социальным современным строем, что — в последнем счете — их участь едва ли лучше участи древних рабов. Вставая чуть свет, они летом и зимой, в зной, в дождь или снег идут работать на чужих полях. С наступлением ночи они возвращаются в свои логовища и валяются от усталости на солому своего убогого ложа. Отдыхом пользуются едва несколько часов; на рассвете. еще с одеревеневшими от работы членами они должны впрягаться снова в трудовое ярмо. И так постоянно, в продолжение длинного ряда лет, до тех пор пока смерть не вернет их в эту землю, на которой они так долго страдали.

Таково общее положение крестьян в Европе. Но в некоторых странах и в отдельных земельных областях оно получило особенно ужасный характер, возмущающий всякого, даже наименее чуткого человека.

В Англии, в этой стране огромных богатств, есть крестьяне» живущие в таких же первобытных жилищах, как дикари, и жестоко страдающие от голода. В особенности сюда следует отнести жителей Шотландских островов. Вот как в IV томе Всеобщей Географии описывается Элизе Реклю быт крестьян этой области: „Шотландские острова, некоторые из Гебридских и даже самый обширный остров Леви принадлежат одному только собственнику, который фактически держит в своих руках все права жителей и косвенно располагает жизнью своих „подданных“, так как один он может доставить работу, и может заставить жителей выселиться с их родины, то есть с его владений. Вот почему некоторые острова, как, например, Рум и Барра, некогда очень населенные, стали почти пустынными. А между оставшимися жителями имеются еще настолько несчастные, что исландский мох — является для них Лакомым блюдом, и добываемые из моря рыба и водоросли составляют всю их пищу. Кишечные заболевания и в особенности несварение желудка очень распространены здесь вследствие плохой пищи. Частотою подобных заболеваний, вызывающих различные галлюцинации, известные медики объясняют случаи „ясновидения“, о которых так часто упоминает история этих островитян. — Деревни на острове Леви представляют, быть может, нечто беспримерное в Европе. Лачуги имеют вид накиданных скал и ветвей. Туземные крофты собирают камни, рассеянные по торфяной почве, и складывают из них две концентрические, неуклюжие стены; пространство между ними в несколько футов наполняется землей и гравием, отчего такое сооружение является совершенно непроходимым для теплых солнечных лучей. Целый лее старых весел, перекрещивающихся досок и ветвей поддерживают крышу из Толстого слоя земли и торфа, округленно выступающую над наружную стеной; на крыше скоро разрастается трава, и крыша становится любимым местом прогулок и игр для детей, собак и ягнят. Единственная дверь ведет в безобразнее жилище в котором постоянно горит огонь, поддерживаемый торфом. Жара и дым в жилище Крофта невыносимы для непривычного человека, но поддерживать огонь необходимо, чтоб несколько просушить сырость которая постоянно просачивается сквозь земельные стены и крыши. Лошади, коровы, овцы — все мелкорослые вследствие постоянной бескормицы — помещаются с краю в хижине, и дети таскают им кости, которые коровы любят глотать...

Таковы жилища большинства жителей Гебридских островов".

В Ирландии положение земледельцев такое же скверное. „И здесь также тысячами встречаются вырытые в земле убежища, полные едкого торфяного дыма, где по 10 — 12 человек живут вместе и спят на грязном полу в перемежку со свиньями". Недостаток питания и нездоровая обстановка продолжают непрерывно подтачивать преждевременно жизнь обитателей целых областей. Голодные крестьяне все больше разбегаются, забрасывая земли. Значительные пространства, еще недавно обрабатываемые, теперь забрасываются и пустуют. Крупная земельная собственность сеет смерть и расширяет пустыню вокруг себя. Пахотная площадь в Ирландии с 187-го по 1885 год уменьшилась на 200,000 десятин (216,000 гект.).

Печальное зрелище, поражающее наблюдателя на западе Европы, встречается его также на востоке. Отправьтесь в Венгрию, в Галицию, в Придунайские княжества, в Россию, и вы там встретите миллионы/человеческих существ* столь же несчастных, как шотландские крофтеры Или ирландские крестьяне. Вы можете непрерывно, по целым дням путешествовать в этой половине Европы, не встретив других жилищ, кроме убогих хижин-мазанок, крытых соломой или тростником. Есть там большие деревни, где вы не увидите ни одного деревянного жилья. И так живут миллионы батраков, живут как рабы, благодаря крупным землевладельцам и еврейским ростовщикам. Жизнь этих бедняков поистине ужасна: они довольствуются одной маисовой мукой и водкой низшего сорта и только этим поддерживают свои силы на непрерывной работе. Когда из богатых городов Австрии попадешь в равнину Венгрии, Галиции, Румынии, России. — то нет ничего печальнее зрелища несчастных крестьян, трудящихся на этих поразительно плодородных землях, которые прокармливают миллионы людей, а им не дают нужного куска хлеба. Во время жатвы, особенно когда солнце безжалостно заливают своими лучами выжженную землю, тяжело смотреть на длинные ряды рабочих, надрывающихся под команду алчных надсмотрщиков, которые следуют по их пятам, непрерывно налегают на измученных людей, сопровождая понукания скотской бранью, а иногда и ударами бича. Работа в крупной экономике получает тут полное сходство с военной экспедицией под командой беспощадных начальников, которые подгоняют свои отряды ударами шашки, В первый раз при виде этих рабочих я испытал на мгновение такую иллюзию: я подумал, что вижу перед собой каторжников, а мечущиеся между рабочими старосты представлялись мне надзирателями, следящими за осужденными и руководящими ими.

Особенно гнетущее зрелище — представляют работы у паровых молотилок. Здесь к физическому изнеможению прибавляется еще серьезная опасность быть изувеченным. Снопки хлеба, которые работники непрерывно подбрасывают в машину, порождают ужасную пыль, которая образует на пространстве 18 — 22 сажень кругом тучу, густую как смерчь в песчаной Сахаре. Работников совершенно застигает эта темная туча пыли, которую даже порядочный ветер не в силах разогнать. Между молотильщицами встречаются совсем молодые девушки; я видел даже детей. Все они остаются по целым дням в этой ужасной атмосфере; и такая работа повторяется ежегодно в продолжение 1 — 2 месяцев. Тщетно спрашиваешь себя, как люди не задохнутся в атмосфере растительной и минеральной пыли, наполняющей их легкие. Впрочем, большинство из них быстро наживает чахотку. Это обстоятельство вынуждает по прошествии нескольких лет замещать новыми молотильщиками прежних, ставших негодными.

Из всех восточных стран положение крестьянства в России, быть может, самое злосчастное, по крайней мере в некоторых частях Росстгп, где суровость климата усиливает страдания, порождаемые общественным строем. Не таково мнение богословов официальной экономической науки, постоянно твердящих о блестящих результатах указа 19 февраля 1861 года. По их словам, после крестьянской реформы имеются только свободные крестьяне, обрабатывающие собственные наделы и счастливо живущие трудами рук своих. Но любезные комики, рассказывающие нам подобные сказки, забывают добавить, что эти так называемые крестьяне-собственники так обременены всевозможными налогами, что для собственного пропитания им остается очень мало или почти ничего; по крайней мере — значительная часть крестьян никогда не могла уплатить сполна выкупных платежей,

причитающихся по положению 1861 г.; другие после воли вынуждены были продать свои наделы; даже в великорусских общинных селениях некоторые крестьяне должны были уступить свои наделы общественной земли. Те и другие, разоренные помещиками и кулаками, впали в кабалу к ним; и в настоящее время сельский пролетариат в России исчисляется миллионами, а земледельческий класс в целом находится в самом жалком положении.

На Юге Европы констатируются точно такие же душу раздирающие факты. В Италии нищета крестьян, быть может, превосходит нищету рабочих восточных стран. Особенно печален тот факт, что как раз в самых плодородных провинциях этой чудной страны встречается наибольшее количество несчастных бедняков. На лихорадочных и разоренных равнинах Тосканы и Лациума, где жестокая, неумолимая малярия производит свои опустошения, условия жизни землепашцев уже достаточно тяжелы, но они еще хуже в Ломбардии и в других здоровых областях. Здесь не вредный климат, а голод губит народ, от ужасной болезни, называемой миланской проказой — пеллагрой и вызываемой единственно плохой пищей, тысячи крестьян ежегодно умирают или доходят почти до состояния мертвецов. Количество больных миланской проказой очень значительно в северной Италии. По официальным сведениям их насчитывалось в 1879 г. 97,885 человек в Ломбардии, Венеции и Эмилии.

Цифра, сама по себе, огромная, но она несомненно много ниже действительности, если принять во внимание, что крестьяне богатых ломбардских равнин спят в тесных, дурно проветриваемых хижинах, питаются только отвратительной кукурузной кашей, называемой полента, и работают на своего хозяина от 12 — 16 часов в сутки. С деревенским пролетариатом так дурно обходятся во всей северной Италии, что невольно напрашивается вопрос, не лучше ли ему сразу умереть от малярии, чем медленно умирать под ярмом помещика. Богач в этих местах — * горший бич народа, чем зараженный воздух тамошних болот.

Южная Италия для крестьян является таким же ужасным местом. Прежде всего вообще нелегкий труд земледельца становится особенно невыносимым в стране, где летом тропическая жара и болотные заболевания делают его на открытом воздухе прямо гибельным. Вот что говорит об этом писатель Ф. Ленорман, обстоятельно знакомящий с южной Италией в своей интересной книге „Великая Греция“.

“ „В невыносимый зной жатва представляет настоящую военную кампанию, столь же смертоносную, как и под огнем неприятеля. Земледелец является здесь солдатом, выступающим в правильный бой с враждебными силами природы. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь из рабочих не падал, чтобы больше уже не подняться, на том самом поле, на котором он жил, пока его не сразил солнечный удар или не схватила болотная лихорадка. Я предоставляю читателям решать, каково опустошительное действие малярии по вечерам, когда батраки, плохо питаемые, мокрые от пота,

находят для ночлега лишь плохие, дырявые сараи или даже, просто шалаши из листвы, куда свободно проникают влажные болотные испарения и ночной холод".

Особенно печально положение сельского пролетариата в силу его общественного положения в стране, где крепостное право, по закону уничтоженное, фактически продолжает существовать. В самом деле, вся земля почти сплошь захвачена родовитым дворянством, не живущим в своих владениях. Имения поручаются жадным кулакам-управляющим, которые мучают и эксплуатируют крестьян без всякой злости. Приведем здесь несколько жестоко красноречивых страниц из только что цитированной нами книги.

“ „Что касается крестьян южной Италии, то чаще всего это батраки, погруженные в самую жестокую нищету, перебивающиеся изо дня в день, без всякой надежды улучшить свое положение путем сбережений из своего ничтожного заработка. Или фактически прикованный к своему ярму, или привыкший к кочевой жизни, имеющей на него развращающее влияние, крестьянин здесь едва владеет орудиями труда, но никогда не является собственником убогого и нездорового жилища, занимаемого им в зараженных предместьях городов, где продолжительное отсутствие безопасности в стране заставило их скучиться. Ведь в южно-итальянских провинциях нет деревень, как у нас, нет сопряженных с деревнями благоприятных для крестьянина сторон деревенской жизни, когда он имеет отдельный домик с огородом. Земледельцы большей части прежнего Неаполитанского королевства живут, как на востоке, целыми городами в несколько тысяч жителей: такая скученность обеспечивала до некоторой степени безопасность от набегов разбойников и пиратов. Для большей безопасности эти города часто расположены в трудно доступных местах и обыкновенно на расстоянии целого дня пути один от другого. Кроме нескольких купеческих домов городок составляет полную собственность крупного землевладельца, обыкновенно того самого, у которого жители обрабатывают землю. В силу этого они остаются его арендаторами без формального договора, ничем не обеспеченные; так что простая прихоть землевладельца или его управляющего может в любое время без суда и расправы в 24 часа лишит его крона и работы. Такое положение является обычным в большей части Италии”.

„За то же и крестьянин этих областей представляет собою того „дикого зверя“, о котором говорит Лабрюйер, — „грязного, синевато-багрового, опаленного солнцем, привязанного к земле, которую он вздымает и взрывает“. К нему без, преувеличения можно отнести слова того же Лабрюйера: „он возвращается ночью в свое логовище, где питается черным хлебом, водой и кореньями“. Под предлогом, что итальянский мужик туп и неспособен обучиться чему-нибудь более совершенному пользоваться средствами и орудиями труда культурных людей, на самом деле в силу только подлой скаредности, его заставляют работать, как египетского феллаха. Впрочем, в Египте труд земледельца может сравнительно оказаться даже более благоприятным, так как тамошний климат совершенно здоровый. В Египте не

приходится ни обрабатывать землю, причиняющую своими испарениями тяжелые заболевания, ни купаться в полужидких трясилах зараженных марен.

Кто бы мм поверить, не побывав на месте, что есть в Европе, в великом культурном государстве, целые кантоны, где можно видеть, что каналы для сушки болот прочищаются с помощью простых ивовых корзин, при чем для удаления нагруженных илом корзин пользуются не животными, а бедными женщинами, молодыми дёвушками и детьми, которые буквально залеплены грязью, стекающею из корзин гgm на голову и одежду. Это такое зрелище нищеты и унижения, хуже которого ничего быть не может, и кто хоть раз был его свидетелем, не забудет еeo никогда.

„В том случае, когда крестьянину удастся добиться шк ложения арендатора, стать хозяином мызы, — его страдания становятся легче, его жизнь, хотя еще достаточно тяжелая, делается несколько более сносной, он может обеспечить себе некоторый доход, лучше питаться и лучше одеваться.л Но все это лишь при условии быть покорным слугою, безусловно повинуюсь всяким капризам барского приказчика и его сподручных. Горе тому мызнику, который вздумал бы сохранить в чем нибудь даже тень независимости, кто поколебался бы сразу подчиниться какому бы то ни было приказу фаттора:), или попытался бы хоть возражать ему. Горе ему, потому что ничем не гарантировано его положение, никакой формальный договор не обеспечивает за ним на определенный срок владение мызой; у крестьянина договор не скреплен

*) Так называется в Италии лицо, снимающее у помещика его земли и эксплуатирующее их па правах хозяина, либо обрабатывая землю наемным трудом, либо сдавая ее от себя в аренду мелкими участками.

законным документом. Фаттор или *mcrcansedi compagna* по договору снимает у землевладельца землю, но у крестьянина нет арендного договора, заключенного письменно на срок и имеющего законную силу. Из простых работников его сделали мызником или из „милости“, купленной обычно дорогой ценой, или, что бывает чаще, мыза с незапамятных времен арендовалась предками крестьянина, так что под конец такой крестьянин начинает питать убеждение, что при соблюдении известных условий он на законном основании может пользоваться мызой. Но в действительности это пользование остается все время непрочным, как не основанное на документе, и держится на одном молчаливом согласии, нисколько не заменяющем формального договора па срок. Каждый год, в указанное обычаем время помещик или лицо, его заменяющее, может прогнать крестьянина с занимаемого им хутора и даже без возмещения убытков арендатору. Между прочим точно такой же порядок арендных отношений был в Ирландии до первых существенных, хотя и недостаточных, реформ в этой области”.

“ „Фаттор — временный хозяин в имении. По истечении срока арендного договора с собственником он может быть заменен другим, предложившим землевладельцу более выгодные условия. Поэтому фаттору нечего щадить,

и он мало беспокоится о том, что доведет население до истощения. Как турецкий паша в отношении к управляемой провинции, он имеет в виду только одну цель: как можно скорее разбогатеть, чтобы получить возможность вести в городе жизнь богатого буржуа и стать влиятельным избирателем. Ради этой цели он прижимает крестьян до крайности, заставляет их беспощадно работать в таких условиях, которые при наименьших издержках давали бы наибольшую выгоду"...

“ „К этому надо добавить грубую распущенность нравов под влиянием жаркого климата. Если в семье мызника или простого батрака растет молодая девушка, красота которой на ее несчастье привлекла внимание фаттора или когонибудь из его помощников, тогда родители вынуждены либо принять бесчестие дочери, либо лишиться всего, быть прогнанными с земли, оказаться в безысходной нужде"...

“ „До сих пор новая Италия ничего не предприняла к облегчению страданий своего сельского населения. Политические революции, давшие Италии национальное единство, лишь ухудшили его положение... Поэтому в итальянских деревнях начинает чувствоваться глухое брожение, предвещающее великие осложнения..."

Приведенные страницы написаны в 1881 году; их автор консерватор и добрый католик, следовательно — более склонный разжигать, чем сгущать краски в изображении печальной общественной действительности. Однако мы видим из его обстоятельного описания, как невыносимо положение итальянских крестьян. Но что же! Приходится лишь признать, что таково оно почти везде, во всех почти странах земледелец в полной зависимости от землевладельца, который эксплуатирует крестьянина и заставляет его жить впроголодь. Все писатели, изучавшие положение земледельческого класса в разных странах, вполне согласны в этом отношении. Что же касается до меня, то во всех тех странах, которые по воле судьбы мне пришлось посетить, я мог достаточно убедиться в этой жестокой истине. Но разве даже во Франции, где крестьян принято считать наиболее счастливыми, мы не находим картину, очень близкую к сейчас описанной? Разве мы не знаем, что миллионы людей работают от 12 до 14 часов в сутки на крупного буржуа, получая в награду за свой труд лишь черствый хлеб, да и тот не в волю. Правда, в нашей стране не увидишь хижин из веток и грязи, как в Италии или в придунайских странах, но можно ли признать, что лачуга нашего крестьянина с одним отверстием для входа много лучше, и не чудовищно ли, что земледелец, создающий огромные сельскохозяйственные богатства, которыми мы все пользуемся, сам живет, по милости богатых земельных скупщиков, в лачуге без воздуха, в которой ни один зажиточный буржуа не мог бы пробыть и одного дня, и которая в гигиеническом отношении хуже казармы?

Вообще, какую бы страну мы ни изучали, везде мы находим, что чудовищное богатство крупных землевладельцев основано на нищете земледельцев.

Лица, встречавшие крестьян лишь в пригородах больших городов, где те живут сравнительно сносно, мог подумать, что выше нарисованные картины встречаются в жизни как исключения, а между тем все нами сказанное представляет заурядную действительность во всей ее суровой правде. Для тех, кто еще может в этом усомниться, есть очень простое средство убедиться в истинности наших слов: а именно проверить, насколько заработная плата сельско-хозяйственных рабочих в состоянии покрыть их самые насущные потребности.

Мы знаем (из другой нашей книжки), что человеку нужно" ежегодно потреблять в общем около 1200 фунтов питательных веществ. Переведя на деньги стоимость этого количества продуктов по средним ценам, существующим в деревне, получим сумму в 120 франков (около 45 руб.). Среднюю годовую величину издержек на другие нужды, кроме пищи, также легко высчитать. Мы уже знаем ее: для зажиточного буржуа она составляет 600 франков, для крестьянина самое меньшее 300 фр. (около 130 руб.). Из этих данных получается следующая табличка:

Обязательные расходы крестьянина:

на пищу	120 франков.
на квартиру, одежду и пр.	300 франков.
Всего	420 франков.

Эта сумма в 420 фр., то есть 168 рублей, представляет довольно точный минимум необходимых для крестьянина годовых расходов. Крестьянин, который зарабатывает такую сумму, может при расчетливости удовлетворить первые потребности в пище, одежде и т. п., но у него уж ничего не останется ни на что другое. Одним словом — он не будет страдать от голода и холода, но останется бедняком. И что же! даже тот самый скромный заработок, необходимый крестьянину, чтобы только прожить с грехом пополам, дается не всякому; миллионы батраков его не имеют Знайте же,

счастливы мира сего, что эти 420 фр., которые вы часто прокучиваете в один вечер, не может заработать огромное множество несчастных в течение целого года, трудясь более 3000 часов! Заработная плата в деревне чрезвычайно низка. Огромное число батраков в Италии, Германии, Австрии, Румынии, Франции, Ирландии зарабатывают в среднем менее 5 коп. в день и буквально пухнут с голоду, ходят босые и без рубах. Другие зарабатывают по 1 фр. (37 коп.) в день или 365 фр. в год, — и они все еще являются бедняками. Лишь

незначительное число получает свыше 420 фр. годового заработка, но таких счастливых немного на этом свете. Действительно лучшим доказательством того, что большая часть земледельцев гибнет в нищете, служит то: для всей Европы средняя поденная плата сельскохозяйственным рабочим колеблется между 1 фр. 20 сантимами и 2 франками (45 — 80 коп.). Есть, правда, и такие местности, где наемные земледельцы добывают в год 600, 800 и 1000 фр., но не забудем, что большая часть из них люди женатые, с большими семьями, которые им приходится содержать, а потому, без сомнения, они не освобождены из-под гнета бедности или прямой нищеты. Если сельский рабочий имеет 3, 4 или 5 детей и заработает даже 1000 франков в год, то он никогда не сможет покрыть этой суммой всех своих насущных потребностей. В семье из пяти человек — отца, матери и троих детей (обычный размер семьи французского крестьянина) на одно только прокормление требуется 600 франков. Даже если мать с своей стороны что-нибудь заработает, неужели вы думаете, что при этой сумме семья не будет испытывать лишений? А если количество детей значительно больше? Если их 4, 5, 6 малолетних мальчиков или девочек то не будут ли все терпеть нужду?

Нам невозможно точно указать численность земледельческого пролетариата, находящегося в положении хронической нужды и нищеты. Мы полагаем, что таких от 40 до 50 милл. человек. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что добрая треть земледельческого населения Европы и Соединенных Штатов С. Америки зарабатывает менее 420 франков, Этот факт представляется просто ужасным, когда подумаешь, как много должен бы дополучить каждый из этих изголодавшихся работников при равном распределении продуктов земледелия и промышленности между всеми членами общества.

В первом нашем очерке мы показали в килограммах х) долю каждого при таком распределении пищевых продуктов; наш расчет был основан на научных данных физиологии. Интересно теперь выразить в франках стоимость всех продуктов сельского хозяйства, которую мы потом прибавим к стоимости необходимых предметов промышленности. Вот эти стоимости, которые мы получили с помощью официальной статистики.

Средняя годовая стоимость пищевых продуктов, производимых в Европе и Соединенных Штатах за 1881 — 1886 г.

Зернового хлеба	35,084,000,000 франков	
Овощей и плодов	16,660,000,000 франков	
Сахара и меда	1,360,000,000 франков	

Различи, видов мяса	17,873,000,000 франков	
Молока и яиц	14,600,000,000 франков	
Продуктов рыбной ловли	2,000,000,000 франков	
Всего	87,577,000,000 франков.	

Эта сумма в 87,577,000,000 франков 2) представляет стоимость пищевых продуктов по оптовым ценам и на месте их производства. Если мы желаем иметь действительную стоимость тех же продуктов по расчету цен, которые платит сельский рабочий, то должны прибавить к вышепоказанной сумме посреднический барыш, остающийся в руках розничных торговцев. Эта надбавка на предметы питания не очень значительна в деревнях. В общем можно сказать, что торговая стоимость продуктов питания по сельским ценам

*) Килограмм — почти 2 фунта.!

«) В нашей брошюре les Produits de l'Industrie мы привели цифру 78 миллиардов, заимствованную у Мюдьгалла, эта цифра ниже действительности. Но все высказанное нами верно и при исправленной цифре.

составит не менее 100,000.000,000 франков 1). Сумма денег, которую ежегодно можно было бы распределить между всеми жителями Европы и Соединенных Штатов, такова:

стоимость пищевых продуктов	100 миллиард, франк., продуктов индустрии 8141,3 » »	
Всего	9141,3 миллиард, франк.	
По расчету на одного жителя это составит: на пищу	258 франков,	
на предметы индустрии	2104 франка	
Всего	2362 франка.	

Составим общую таблицу, в которой вышеприведенные данные сопоставим с ежегодным средним заработком большинства земледельческих рабочих, считая по 1 франку в день.

Стоимость годового количества продуктов земледелия и индустрии, приходящихся на одного жителя по сравнению с потребностью в них и обычным заработком крестьян в 1887 году:

Произведет.	Потребн.	Зараб.
Пищевых продуктов	258 фр.	120 фр.
Промышленных	2104 фр.	300 фр.
Всего	2362 фр.	420 фр.

Последняя таблица лучше самых красноречивых рассуждений показывает всю гнусность капиталистической эксплуатации, царящей в современном обществе. Производительность земледелия и промышленности доставляет каждому жителю 2362 фр.; для жизни в деревне требуется самое меньшее

*) Не считая вина, которого производится почтл на 4 миллиарда франков.

420 фр., следовательно получается излишек в 1942 фр. от каждого человека. И что же! Класс вампиров-капиталистов не только поглощает весь этот огромный излишек, но он еще удерживает из необходимых средств для существования 50 миллионов крестьян по 55 фр. и больше с каждого. Ему мало поглотить в 10,20 раз больше того, что ему действительно необходимо, он еще норовит урвать кусок от плоти бедняков, чем и завершает свое каннибальское дело<

Вот до чего мы достигли по прошествии 19 столетий после смерти Того, Кого так любят призывать буржуа, лицемерно повторяя, что все люди — братья. Общее положение нисколько не улучшается, как думают некоторые, оно еще ухудшается под влиянием новых экономических условий. По всей Европе слышен стон крестьянской нищеты; со всех сторон раздаются жалобы и рыдания; безнадежное уныние все больше разливается по деревням, и крестьянин все сильнее охладевает к земле. К той самой земле, на которой он родился, которая кормила его предков, он относится с ужасом, с тоской; он устал страдать, унижаться, умирать медленной голодной смертью, — и без оглядки бежит из этого ужасного ада крестьянской действительности, бросаясь на поиски новых более благоприятных условий, при которых он мог бы по крайней мере существовать. Это движение, увлекающее европейских крестьян с их родины, стало непреодолимым; в некоторых странах оно приняло размеры настоящего исхода израилева. Эти, банды голодных крестьян-эмигрантов напоминают великие переселения народов конца Римской Империи и начала Средних веков, когда целые народности перемещались с одного конца

континента на другой. Одна общая цифра может показать все значение этой эмиграции, угрожающей обезлюдить некоторые земледельческие области. В 1884 году из Германии и Англии выселилось 400 тысяч человек; в 1881 г. 453,000 человек.

Эти бегущие с родины эмигранты в огромном большинстве — землепашцы зрелого возраста, которые страстно желали бы не расставаться с родиной, если бы у них была какая-нибудь возможность там прокормиться. Но их гонит нищета; это убедительно доказывается тем, что не решающиеся на дереселения в чужие страны бегут с своего пепелища в большие города. Такое двойное течение в эмиграции — факт всеобщий; и если социальный переворот не остановит его, связав благосостояние крестьян с родною нивой, то в недалеком будущем следует ожидать ужасных последствий. Когда на новых местах все свободные земли достаточно заселятся, а большие города не смогут больше поглощать беглецов из деревни, тогда крестьяне в своем безвыходном положении неминуемо поднимут кровавое восстание, и новая жакерия будет ужасно жестока.

IV. Положение фабрично-заводских рабочих

При чтении предшествующей главы могло показаться, что трудно себе представить более скверное положение, чем положение крестьянского сословия; между тем таковое имеется: городские рабочие еще более несчастны, чем крестьяне. В самом деле, последние, по крайней мере, дышат в течение дня здоровым воздухом, исключая, конечно, местностей с болотными лихорадками. Крестьяне часть года страдают от Голода, но они по крайней мере в ясную погоду пользуются светом яркого солнца, видят кругом дивную природу и хоть изредка имеют возможность растянуться на мягкой траве лугов или в прохладной тени лесов, испытывая невыразимую радость побыть наедине среди необ'ятной жизни всего мира. Городской рабочий лишен и этих радостей. После 12 или 15 часов работы он возвращается в свою сырую, нездоровую конуру или шатается по мрачным улицам густо населенного рабочего квартала. Единственное удовольствие, доступное ему — это засесть в грязном, накуренном кабаке и водкой хоть на время заглушить жестокое сознание своей унижительной нищеты.

Видели ли вы, читатели, рабочие кварталы? Посещали ли вы эти грязные мрачные кварталы, переполненные пролетариатом? Заходили ли вы когда-нибудь в эти заплесневелые, грязного цвета жилища без света и воздуха, где скучены истощенные человеческие существа, с лицами землистого цвета, так что их можно принять за больных, сбежавших из госпиталя? Если вы не видели близко этих ужасных лачуг, и если вы из среды тех людей, которые пользуются всегда благосостоянием и счастьем, то ступайте и присмотритесь поближе к этому зрелищу; оно не усладит вашей души, вы вернетесь в подавленном и мрачном настроении, но вы тогда поймете глубокое значение этих двух слов: социальный вопрос, и если только вы доступны какому-нибудь благородному чувству, то наверное испытаете влечение к тем, кто борется за освобождение человечества из-под гнета нищеты.

Рабочий класс несчастен во многих отношениях, но главным образом потому, что вся его жизнь безусловно противоестественна; физиологически невозможно, чтобы человеческий организм мог противостоять тем убийственным влияниям, которым постоянно подвержен городской пролетариат в тех условиях, в которых ему приходится существовать. Тут влияет не только крайнее переутомление от длинного рабочего дня, не только обычное здесь физическое истощение, сразу разрушающее здоровье работника и преждевременно старящее его; но даже самый воздух, которым он дышит, обрекает его на преждевременную смерть, и хотя бы ничто другое не разрушало организма рабочего, он по одной этой причине не мог бы достигнуть средней продолжительности человеческой жизни.

Всеми современными биологами признано, что чистота воздуха убывает соответственно с увеличением числа жителей, скучившихся на одном определенном пространстве. На

широком морском просторе, где нет загрязнения воздуха человеческими отбросами, где ветер свободно гуляет, — воздух совершенно чист; но уже на берегу моря в воздухе начинают появляться микробы, и их количество возрастает все больше и больше по мере того, как от мало населенных местностей приближаешься к крупным городским центрам* В местах наибольшего скопления людей, в городах с многотысячным и миллионным населением воздух содержит невероятное большое количество всякого рода микробов, а также минеральных и растительных частиц; а в этих городах воздух беднейших кварталов и наиболее тесных и мрачных жилищ содержит наивысшее количество микробов, что объясняется с научной точки зрения очень просто: свет солнца является главным деятелем в разрушении атмосферных зародышей; под его влиянием болезнетворные и всякие микробы быстро слабеют и разрушаются. При недостаточном свете микробы — наоборот — быстро размножаются; в старых домах Парижа в каждом кубическом метре воздуха заключается до 36.000 бактерий.

Во всех больших городах Европы и Соединенных Штатов гигиенические условия почти одинаково отвратительны^ потому что быстрое возрастание населения во всех этих центрах делает скученность неизбежной. В этом отношении Берлин представляет отличный пример чудовищного результата скученности. В 1880 г. более 100.000 людей жили в подвальных этажах; дома рабочих кварталов были до того переполнены, что 200.000 человек должны были размещаться на ночь по 4 и 5 душ в-одной комнатке. С 1880 г. положение вещей еще больше ухудшилось; и то же замечалось и в большинстве других рабочих центров. В настоящее время можно смело утверждать, что нет города, где бы бедные кварталы находились в сколько-нибудь сносных гигиенических условиях.

В загруженной атмосфере, насыщенной болезнетворными микробами, плесенью и вонью, проходит вся жизнь несчастных пролежнев. Богачи, те благоразумно убегают из городов на несколько месяцев в году. Когда они устают от балов и ужинов в своих роскошных городских квартирах, то отправляются на берег моря или в свои замки дышать чистым воздухом и восстанавливать силы. Рабочие лишены этой возможности; они прикованы к своим берлогам, необходимо, чтоб они в них оставались, а ведь это настоящая мука — быть осужденным постоянно пропитываться этим воздухом смерти, окружающим вас. Несчастливым обитателям обширных рабочих городов не ведома радость широко дышать грудью и чувствовать, как о каждым вдохом в нее вливается струя жизни. Грязная смесь, вдыхаемая ими вместо воздуха, обрекает на жалкое состояние их организм, которому недостает здорового румянца от крови, богатой красными кровяными шариками! Это жертвы, заранее отмеченные судьбой. Легочная чахотка беспощадно косит их во цвете лет.

Нужно побывать в больницах, чтоб воочию увидеть разрушительное влияние условий жизни рабочего. Больницы переполнены рабочими. Все формы болезней, все разновидности паталогических процессов представлены здесь на этих мрачных койках, занятых в большинстве умирающими. Тело рабочего — всегда открытое обиталище, куда, при полной доступности, во множестве проникают всевозможные заразные начала, и где смерти, этой страшной ведьме, с пустыми глазами, нравится проделывать свои жестокие паталогические эксперименты, прежде чем окончательно доканать человека. Мы, все, хорошо питающиеся, дышащие чистым воздухом, мы так же, конечно, умрем, как и рабочие, но мы не испытываем подобно рабочим того, как в течение большей части нашей жизни нас

гложат и разрушают всякие немощи; мы не представляем из себя арены, на которой отвратительные актеры разыгрывают свою страшную паталогическую драму; на нас не обрушивается и нас не мучит весь этот ужасный легион болезней; одним словом, мы не знаем, что значит страдать; рабочие же знают это. Бее или почти все они проходят через больницы, и тысячи их приходят туда умирать после жизни, полной тяжелого труда и бесчисленных страданий. И нет ничего более гнетущего, как заброшенность этих несчастных; в последний свой час они лишены даже отрады пожать дружескую руку перед тем, как низвергнуться в небытие.

Жилищные условия, в которых живет городской пролетариат, составляют лишь одну из причин его физического разрушения, сокращающего среднюю продолжительность его жизни. Характер работ также способствует нреждевременному истощению рабочего, доводит его до болезни и хилости, при чем это зло частью лежит в самой работе, частью зависит от небрежности хозяев, которые не считаются с интересами здоровья рабочих. Особенно печально то, что работающие в самых скверных гигиенических условиях хуже всего и оплачиваются. Убийственный предрассудок неравенства так силен в современном обществе, что буржуазия умудрилась внести разделение на привилегированных и на непривилегированных даже в ряды пролетариата; наперекор простому здравому смыслу — тот, кто занят в наименее тяжелом и неприятном производстве, получает наибольшую заработную плату.

Из всех каторжников труда рудокопы наиболее обделены. Если бы Данте жил на шесть столетий позже и еслиб он посетил современные шахты, он бы составил из них один из кругов своего ада. Эмиль Золя дал захватывающее описание жизни шахт в своем Жерминале. Если вы никогда не видели этих бездн, куда ежедневно спускаются сотни тысяч людей, то прочтите это удивительное произведение и вы тогда получите представление о жизни, которую ведут рудокопы в тяжелой атмосфере шахт. Эти несчастные, вынужденные постоянно пробираться ползком по галлереям, где происходит ломка руд, и работать в скрюченном положении, испытывают настоящие физические муки, когда им приходится пробивать каменные породы. Они должны ежедневно испытывать все страдания, связанные с резкой переменной температуры: они то судорожно стучат зубами от леденящего сквозняка в галлерее для перевозки руды, то Переходят в раскаленную атмосферу галлереи для ломки руд, где вредные газы и водяные пары усиливают страдания. Женщины и дети также участвуют в этих тяжелых работах. Среди женщин, нагружающих вагонетки и выкатывающих их к подъему из рудника, есть молодые девушки 16 и 17 лет. Эти бедные дети проводят От 15 до 18 часов в день под землю и ежедневно нагружают по 70 вагонеток.

Работа в шахтах — настоящий ад, но работы у доменных печей, на прядильных и ткацких фабриках, на химических заводах почти также ужасны. Вообще, можно сказать, что все многообразные производства, составляющие крупную индустрию, убийственны для рабочих. Есть предел физическому напряжению; всякое дальнейшее усилие за этим пределом причиняет страдание и болезнь, — а между тем почти во всех производствах этот предел далеко превзойден. Прибавьте к этому, что труд происходит почти везде при самой отвратительной гигиенической обстановке: холодные сквозняки, тучи минеральной и растительной пыли, богатой...болезнетворными началами — составляют непрременную

принадлежность всех мастерских, не говоря уже о тех производствах, где приходится иметь дело с ядовитыми веществами. Тем же, кому и удастся избежать этих причин истощения и медленной смерти, приходится во всяком случае страдать от недостатка воздуха в тесных мастерских, набитых народом.

Совместное убийственное влияние скверных жилищ, переутомления и нездоровых условий работы признано почти везде. Общеизвестен тот факт, что во всех культурных государствах значительная часть рабочего класса стоит на пути к физическому вырождению. Например, в богатейшей стране мира — в Англии можно наблюдать поразительное явление: там буржуазия, хорошо питающаяся, живущая в здоровых квартирах, хорошо одетая, становится в общем сильнее и здоровее; пролетариат, напротив, мельчает и вырождается. Отправьтесь в Ланкашир, в область ткацкой промышленности, и вы воочию убедитесь в этом попятном движении рабочего класса, сравнив отцов с детьми. Но зачем нам ссылаться на Англию? Разве не всюду то же самое? Физический труд в наше время происходит при таких условиях, что для миллионов людей было бы лучше содержаться в некоторых тюрьмах и каторге, чем оставаться на фабриках и в шахтах: они тогда по меньшей мере всегда были бы обеспечены пищей.

По вышеуказанным причинам жизнь городского пролетариата самая несчастная. Но главный ужас его положения в том, что всем своим каторжным трудом и всеми своими страданиями он не в состоянии обеспечить себе даже насущного пропитания. Человек привыкает все переносить на свете: усталость, тяжелый труд, дурной воздух, не чувствуя уже их вредного влияния, но он никак не может привыкнуть питаться впроголодь: голод — зло жестокое, непримиримое; и это зло современный рабочий осужден испытывать почти всю жизнь. Чтоб найти класс людей, столь же обездоленный как рабочие, надо поискать разве у северного полюса среди народов гиперборейских, которые, имея единственный источник пропитания в рыбой ловле, испытывают по временам полный недостаток в пище. Факт недоедания среди рабочих — в настоящее время есть избитая истина; его вынуждены признать даже наиболее консервативные писатели. Мы могли бы поэтому уволить себя от труда доказывать общепризнанную истину. Но так как мы решили в этой книжке все подкреплять неопровержимыми доказательствами, то покажем также, почему миллионы рабочих совершенно не в состоянии удовлетворять своим насущным потребностям и потому коснеют в нищете.

Поступим, как поступили мы при рассмотрении этого же вопроса по отношению к крестьянам, т.-е. сперва выясним бюджет рабочего. Начнем с расходов на квартиру, пищу и мануфактурные изделия. Относительно пищевых продуктов необходимо заметить, что здесь нельзя придерживаться средних цен нашей первой таблицы, так как, очевидно, что продукты эти значительно дороже в городе, чем в деревне. Сделав эту оговорку мы покажем теперь, каков должен быть минимальный годовой доход рабочего, чтоб его хватало на самое необходимое:

Наем квартиры	130 франков.
---------------	--------------

Пища	250 франков.
Одежда, отопление и пр.	400 франков.
Всего	780 франков.

Имеет ли рабочий этот необходимый минимальный заработок в 780 фр.?

1) В некоторых привилегированных производствах — да; в большинстве остальных — нет. Это нетрудно доказать.

2) Около 300 руб.

Вот статистическая табличка средней поденной заработной платы в главных странах мира в 1887 году¹⁾.

	Мужчины.	Женщины.
Соединенные штаты	6 фр.	3 фр.
Англия	4,50 фр.	2,80 фр.
Франция	3,60 фр.	1,80 фр.
Германия	3,12 фр.	1,50 фр.
Швейцария	3 фр.	1,50 фр.
Бельгия	3,05 фр.	1,50 фр.
Австрия	2,00 фр.	1,30 фр.
Баден	2,00	1,25 фр.

Как видно, средняя заработная плата в странах крупной индустрии колеблется между 2 и 6 фр. для мужчины и 1 1/4 — 3 фр. для женщины. Эта средняя величина с первого взгляда может показаться даже достаточно высокой; но не нужно забывать, что рабочий получает плату не за 365 дней в году, а лишь за рабочие дни. Во всех государствах, — в силу ли соблюдения воскресного отдыха или в силу вынужденных прогулов, но в среднем, — число рабочих дней в году не больше 300 (что очень кстати, потому что рабочие не вынесли бы непрерывной работы в течение целого года).

Вот каков в действительности годовой заработок рабочих в перечисленных выше странах:

--	--	--

	Мужчины	Женщины.
Соединенные Штаты	1800 фр.	840 фр.
Англия	1350 фр.	540 фр.
Франция	1080 фр.	450 фр.
Германия	936 фр.	450 фр.
Швейцария	930 фр.	450 „
Бельгия	915 фр.	390 фр.
Австрия	600 фр.	375 фр.
Баден	600 фр.	

О Исключительно в крупной индустрии.

Эти цифры доказывают два положения: на существующую заработную плату, как она выяснена официальной статистикой, холостой рабочий может просуществовать почти во всех государствах, женщина — лишь в Америке и Англии; в других государствах она обречена на нищету.

Общественный строй, который доводит до таких чудовищных результатов, дает уже достаточное основание для социальной революции. Но в действительности положение еще хуже, потому что показанный средний заработок, невидимому, довольно высокий, представляет один оптический обман. В самом деле, рабочий живет не один на свой заработок, он женится — это неизбежно. Таким образом, ему необходимо зарабатывать на свои собственные потребности и на прокормление своих детей. Может ли он это даже в странах, где средняя заработная плата наиболее высока? Нет, для рабочего это совершенно невозможно. Возьмем семью рабочего в пять душ; пусть отец и мать зарабатывают оба (хотя это не всегда возможно) и сосчитаем, сколько им нужно ежегодно на прожиток. Примем еще, что каждый ребенок, вновь народившийся, увеличивает общий расход семьи в среднем на 300 франков в год.

Так вот каков на этих основаниях баланс расходов и заработка в рабочей семье из пяти человек.

	Издержки.	Зарботок.	Дефицит.
Соединенные Штаты.	2,280 фр.	9 фр.	2,700 фр.
Англия	2,280 фр.	2,190 фр.	90 фр.
Франция	2,280 фр.	1,620 фр.	660 фр.
Германия	2,280 фр.	1,386 фр.	894 фр.
Швейцария	2,280 фр.	1,380 фр.	900 фр.
Бельгия	2,280 фр.	1,365 фр.	915 фр.
Австрия	2,280 фр.	990 фр.	1,290 фр.
Баден	2,280 „	975 фр.	1,305 фр.

*) Сумма в 2280 фр. вычислена для Европы. В Соедин. Штатах издержки значительно выше, потому что жизнь там не меньше! мере втрое дороже, чем в Европе, так что этого среднего заработка в сущности недостаточно для семьи в пять человек, и дефицит там не менее 100 фр.

Итак, семья в пять человек может кое-как прожить на свой обычный заработок только в Соединенных Штатах да в Англии. Во Франции она этого отнюдь не может; во всех остальных государствах она живет в полной нищете. Уменьшите, насколько можете, нашу смету расходов на квартиру, пищу, одежду и пр., допустите, что в некоторых странах цены на предметы необходимости ниже средних цен, вычисленных для Европы; спустите, если угодно, до 1600 фр. сумму годового расхода рабочей семьи в Швейцарии, Бельгии, Австрии, Германии, — и все же при всех этих поправках вы должны признать, что при настоящем обычном заработке в любом государстве невозможно просуществовать средней семье пролетария без мук голода, без того, чтоб она под конец не прибегала к нищенству.

Этого вывода собственно говоря достаточно для нашей цели; но мы должны осветить до конца занимающий нас вопрос. В сознании наших читателей может явиться основательная мысль, что средние величины заработной платы, послужившие основанием для наших расчетов и вычисленные из предельных величин, не могут иметь значения точного мерил рабочих доходов. И это в самом деле так: на известное количество рабочих, получающих заработок выше среднего, приходится миллионы других с заработком ниже среднего, и, следовательно, положение этих миллионов народа еще более несчастное. Во Франции,

наир., где заработная плата больше, чем во многих других государствах, имеется множество рабочих, получающих только от 2 — 2,2 фр. в день. В Италии то же самое. В Бельгии рудокопы местами должны довольствоваться Р/г ФРМы уж не говорим о женщинах; их заработная плата, еще более низкая, равна 1,2 — 3,4 франка в день.

Будем считаться здесь с положением только тех рабочих, которые зарабатывают в среднем 2 франка (таких 20 или 25 милл.), и сравним, как мы сделали это относительно крестьян, — стоимость всех добываемых за год продуктов земледелия и промышленности с общей суммой годовой заработной платы. Взятые по продажной цене в городах пищевые продукты представляют ценность по крайней мере в 220 миллиардов франков г); с прибавлением сюда стоимости предметов промышленности, которая, как мы видели, составляет сумму в 81473 мил л., получим общую сумму в 103472 миллиарда. Приняв при распределении благ общее количество людей попрежнему в 387 миллионов, мы можем построить следующую сводную таблицу:

Стоимость всех продуктов, приходящихся на одного чело~ века по сравнению с потребностями и средней заработной платой одного человека в 1887 г.

Производит.	Потребн.	Зараб. пл,	
Пищевых продуктов	567 фр.	250 фр.	
Мануфактурн. товаров	2,104	400 фр.	
Сумма	2,671 фр.	650 фр.	600 фр.

Из этой таблицы следуют два крайне важных вывода.

1) При равном распределении каждый рабочий мог бы получить продуктов на 2,671 фр.; в действительности он их получает на 600 франков и меньше.

2) При своем обыкновенном заработке в 2 фр. и меньше работник не может оплачивать даже первых потребностей в пище и одежде; у него получается 50 фр. дефицита по этим статьям и 180 фр. дефицита, если прибавить расход на наем квартиры.

В последнем результате всего нашего анализа мы приходим к такому убийственному выводу: при дневном заработке в 2 франка рабочий не может просуществовать даже один без жены и детей, без всяких других естественных обязательств. Рабочий, которому не хватает 180 фр. на строго необходимое, неизбежно вынужден либо совершенно отказаться от собственной квартиры, если предпочитает есть и одеваться, либо отказаться от пищи и других предметов первой необходимости, если по обстоятельствам он не может обойтись без своей квартиры. Для несчастного этой категории (повторяю, очень многочисленной) 180

фр. дефицита составляют стоимость хлеба, потребляемого им в 276 дней; отнятые же равномерно от трех статей расходов (квартиры, пищи, одежды), 180 фр. дефицита обуславливают неслыханную сумму лишений и страданий, которую возможно выразить только следующими двумя словами; мрачная нищета!!

*) Чтоб вычислить эту общую сумму, мы естественно приняли те же цифры, как и при вычислении стоимости содержания одного человека в год.

V. Статистика нищеты

Как велико количество несчастных, которых недостаточный заработок обрекает на нищету и бедствия? Никакие статистические исследования не дают тут точной цифры, потому что ни одно правительство не сочло нужным сделать соответствующее исследование, которое только нагляднее обнаружило бы весь позор современного общественного строя. Тем не менее, некоторые официальные данные позволяют косвенным путем оценить вероятное количество несчастных бедняков.

Во-первых, для нас тут полезны официальные списки нуждающихся, составляемые в разных странах государством, коммунами или приходами.

Вот общее количество нуждающихся, полученное нами по Главным странам Европы:

Германия (1881 г.)	1,560,000 фр.
Франция (1882 г.)	1,449,330 фр.
Италия (1881 г.)	1,365,000 фр.
Австро-Венгрия (1880 г.)	1,220,000 фр.
Нидерланды (1880 г.)	1,012,000 фр.
Великобритания (1883 г.)	1,010,000 фр.
Испания и Португалия (1880 г.)	600,000 фр.
Скандинавия (1880 г.)	300,000 фр.
Швейцария (1880 г.)	140,000 фр.
Всего	8,656,330

Таким образом, в настоящее время в Европе,—не считая не объятной России, — имеется 9 миллионов официально

признанных нищих. Допустите, что Россия с ее ста-милдионным населением может выделить только двух нуждающихся из каждой сотни жителей,—расчет более чем скромный,—и вы получите для Европы сумму в 11 милл. круглых бедняков; прибавьте еще 1 миллион на Соедин. Штаты и .вы будете иметь 12 миллионов голодных нищих в так называемых цивилизованных странах мира. Эта цифра 12 миллионов успела значительно возрасти за последние два десятилетия, и можно смело утверждать, что в настоящее время имеется больше 13 миллионов людей, вынужденных обещаться за поддержкой к государству, к коммунам или общественным учреждениям. По этому расчету около одной тридцатой населения вышепоименованных стран живет в нищете!

Но даже это огромное количество бедняков далеко ниже ее действительных размеров. В самом деле, официальные бедняки, живущие на пособие, составляют ведь только малую долю всех нищих. Рядом с бедняками, которые под гнетом неумолимой нужды решились наконец вписаться в официальные списки, есть огромное множество людей, которые из естественной гордости отступают перед этим своеобразным включением в полицейские списки, предпочитая лучше страдать и умирать от голода, чем протягивать за подаванием руку к начальству разных учреждений. И таких—легионы, потому что—к счастью для человечества—в массе пролетариата, которую буржуазия топчет своими ногами, сохранилось удивительно сильное чувство человеческого достоинства: эти массы полуголодных людей сохраняют в глубине души чувство самоуважения. Государство еще не успело включить их в армию воспособляемых, которую она поработает куском хлеба и тем держит в покорности под своим ярмом. Чтобы вычислить истинную численность обездоленных, нужно знать сумму не только официальных, но и скрытых нищих. К несчастью, такой переписи, как мы уже указали, пока не сделано, и мы остаемся при одних догадках. Мы, тем не менее, думаем, что путем изучения данных о заработной плате в разных странах, как в земледелии, так и в промышленности, возможен приблизительный подсчет всех нищих и нуждающихся. Мы посвятили этой задаче продолжительный труд сравнения и вычислений и считаем себя в праве утверждать, что нижеследующие наши цифры весьма близки к действительности.

Количество бедных в Европе и Соединенных IЕman.ах в 1887 г., вычисленное по размеру заработных плат*.

Крестьян	50 миллионов фр.
Рабочих	20 фр.
Всего	70 миллионов фр.

Таким образом, согласно нашим вычислениям, все количество бедных на 58 милл. больше, чем его признают официальные статистики. На первый взгляд наша цифра может показаться преувеличенной, но те из читателей, которые пожелали бы проверить наши вычисления собственными изысканиями, придут к подобным же результатам. Пусть всякий, имеющий сомнение, выполнит самостоятельно следующую маленькую перепись: пусть он сосчитает количество нуждающихся в районе своего жительства, пусть затем вычислит отношение числа нуждающихся к общему числу жителей района и он убедится, что его и наши данные находятся в согласии.

Как бы то ни было, но несомненен тот факт, что нищета масс разъедает современное общество, подтачивает его основания. Официальная статистика признает только 12 милл. голодающих, которым общество время от времени бросает обглоданную кость для того, чтобы они продолжали терпеть. Пусть так; нам довольно казенной цифры; мы не нуждаемся в других данных для подкрепления выводов, которые с непреодолимой силой напрашиваются сами собой.

VI. Заключение

Когда вы беседуете о социальном вопросе с одним из тех буржуа, которые, хорошо пообедав, находят, что все идет к лучшему в этом наилучшем из миров, то такой собеседник не преминет вам высказать, что нищета на этом свете — не больше, как незначительное исключение, „совершенно ничтожная величина“. Если вы в ответ на это сунете ему под нос официальную статистику с ее 12 миллионами бедных, он принужден будет признать, что количество несчастных совсем не так ничтожно, как он думал, но все-таки не потеряет своей самоуверенности и снисходительно станет перечислять вам все мероприятия государства, направленные к тому, чтобы вырвать нуждающихся из нищеты. Он в заключение скажет примерно так: „вы видите, что я прав; нищеты вовсе нет в действительности, потому что о каждом бедняке заботятся коммунальные „приходские власти“. Послушать его, так участь нищих покажется чуть не завидной: ведь у них всего одна забота — являться каждый день за получкой всего нужного для существования; общество предусмотрело сполна все их потребности. Бесполезно говорить, что действительность стоит в полном противоречии с этой идиллией. То, что называют общественным призрением, представляет один из величайших обманов нашего времени: редко столь пышные слова прикрывают такое жалкое содержание.

Все государства цивилизованного мира можно разделить на три группы с точки зрения принятых в них форм общественного пособия. Есть государства, как Англия, где бедные запираются в рабочих домах и обязаны работать, подобно преступникам, под надзором суровых надсмотрщиков. В этих домах милосердия царит такой же суровый режим, как в тюрьмах. Забота о бедных в Англии сводится к лишению их свободы.

Ко второй группе относятся государства, которые, подобно Франции, не имеют рабочих домов, а помогают нуждающимся регулярными или неправильными денежными подачками. В них имеются так называемые бюро благотворительности, учрежденные государством, которые более или менее удачно распределяют пособия. Эта вторая система общественной помощи на первый взгляд представляется менее дурной, но результаты ее деятельности могут считаться отрицательными, до такой степени они ничтожны,

Есть, наконец, третья категория стран — их типичным представителем является Швейцария — где заведывание общественными пособиями лежит непосредственно на коммунах вне контроля и влияния государства. Каждая из коммун обязана по закону помогать всем жителям, существующим в ее пределах, и в соответствующих случаях кормить их. В теории это наилучшая система помощи, но на практике она не лучше остальных двух. В самом деле, всякая коммуна старается как можно меньше тратить на пособия и чтобы избавиться: от этой неприятной повинности, она прибегает к таким приемам, которые были бы смешны, если бы не были так гнусны. В этом отношении в Швейцарии имеют место факты, которым трудно подобрать название. Самым возмутительным является замаскированная продажа детей, которая часто практикуется в некоторых кантонах и во французской Швейцарии

носит название поставок (mises). Если после смерти бедняка остаются сироты без всяких средств, то их должна прокормить коммуна, которая выходит из затруднительного положения, помещая детей у лиц, соглашающихся принять их за небольшое вознаграждение. Детей выводят на публичный торг и кто согласен на наименьшее вознаграждение, тот и уводит их к себе, чтобы пользоваться ими по своему усмотрению. Эти сироты попадают в настоящее рабство, когда их помещают у жадных фермеров, заставляющих работать постоянно, чтобы возместить издержки на их содержание и получить сверх того возможный барыш. Особенно возмутительно в этом варварском явлении то, что очень часто воспитывают таким образом детей, отрывая их от собственной матери под предлогом, что она слишком бедна, чтобы их прокормить. Вот сообщение, появившееся в апреле 1885 г. во всех газетах французской Швейцарии и повествующее подобного рода факте:

„Поставка детей“

„Бернские газеты доставили нам новое сообщение об одной из таких возмутительных „поставок“, все еще практикуемых в некоторых кантонах, в том числе и в нашем. Пора бы воспретить их законом как можно скорее. Один бедный человек, проживавший в округе Маш, рабочий газового завода г. Биена, внезапно умер несколько дней тому назад. Раньше мужа тяжело заболела жена его. Она оправилась, но после смерти мужа оказалась в крайней нужде с пятью детьми на руках. Машская коммуна решила пристроить их с помощью „поставки“. Торги произошли 14 апреля. Несчастливая мать, в неопишемом волнении, присутствовала при торгах и постоянно прерывала судебного пристава. „Мальчик десяти лет! Кто возьмет мальчика на пансион до конца года?“ Любители обсуждали дело между собою: мальчик мог бы пригодиться для собирания навоза по дорогам... Но он слишком оборван и т. д.

— За сколько?

— 40 франков!.. 35!.. 30!.. 26!..

— Уступается за 26 франков!

Мать протестует. Она желает ходить за своим сыном за 20 франков... бесплатно... Пусть оставят при ней ее детей... Она ничего не просит... Завтра наконец она уйдет из коммуны!..

Ей говорят, чтобы замолчала, что она не вправе делать заявлений.

Торги продолжают в том же духе на трех остальных детей.

Мать не перестает плакать, кричать, протестовать. Но тем не менее вскоре все несчастные крошки были размещены. Девочка 8 лет за 31 франк, другая 6 лет за 40 фр., третья едва двух лет за 70 франков... Одно лицо, присутствовавшее при этой варварской сцене по совершенно другим мотивам, с чувством отвращения к происшедшему решилось спросить, не человечнее ли было бы отдать матери ее детей и ту денежную сумму, которую теперь приходится платить в несколько мест за их содержание.

— Она не могла бы никогда обернуться на эту сумму'. — был ответ. Мать не могла бы прокормить детей своих на плату за пансион, выплачиваемый посторонним? Но ведь эти посторонние участвуют в торгах не из жалости или благородства, а делают это ради барыша, хотя бы самого ничтожного барыша. И такие-то будут растить несчастных детей! Как же они это выполняют? Как назвать законоположение, которое под предлогом общественного пособия дает коммунальным властям полномочия лишить мать ее прав на собственных детей и вырывать у нее ее двухлетнюю девочку, чтоб отдать в чужие руки?“

Вот в чем состоит общественное пособие в свободной Швейцарии, которая избрала своим девизом: один за всех и все за одного, и которая является в некоторых отношениях страной наиболее близкой к политическому идеалу.

Нам возразят, что в других странах системы общественной помощи не такие варварские, но если бы мы захотели близко изучить, как поставлено это дело везде, то точно также всюду нашли бы возмутительные факты только в другом роде. Наконец, общественные пособия совершенно не достигают цели, хотя бы по крайней своей недостаточности. Это доказывают ничтожные суммы, расходуемые в разных странах подобными учреждениями. Так, например, Франция на 11/2 миллиона официальных бедных тратит 33 миллиона франков; из этой суммы 5 миллионов уходит на администрацию, остается 28 миллионов, или менее 20 франков на человека. Вы вообразите себе, что может сделать бедняга, пухнувший с голоду, на пособие в 20 фр. в год.

Заметьте еще, что во всех странах официальная милостыня приблизительно такая же.